

18+

Ирина Бухарина

ХОЛЕРНЫЙ ДОМ

Ирина Бухарина

Холерный дом

«Издательские решения»

Бухарина И.

Холерный дом / И. Бухарина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-513721-0

Она танцевала на краю помоста у самой воды, почти взлетая над ней, как птица, и Эдуард любовался своей прекрасной юной женой. Но такой ли уж замечательной оказалась жизнь с балериной, о которой он так мечтал? Об этом повесть Ирины Бухариной «Семейная жизнь Эдуарда». Светлой грустью и легким юмором пронизаны и рассказы автора о поездках на Волгу, о встречах с плавающими Хрюшами и завершении отдыха в «холерном доме».

ISBN 978-5-00-513721-0

© Бухарина И.
© Издательские решения

Содержание

Зелёный он был.	6
Холерный дом	12
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Холерный дом

Ирина Бухарина

© Ирина Бухарина, 2020

ISBN 978-5-0051-3721-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Зелёный он был.

Когда мой муж купил свой огромный белоснежный «Лексус», его отец, мой свёкор, заглянув в необъятный багажник, выдал незабываемую фразу:

– О! Какой здоровый багажник! Будем навоз на дачу возить.

Сначала я подумала, что это шутка. Но что меня больше всего поразило, сын его, мой муж, даже глазом не моргнул и не улыбнулся, как бы соглашаясь с папой.

Дальше пошло как по-писаному – по выходным Серёга со свёкром стали разъезжать по всяким садово-огородным точкам и, на потеху публике, набивать «Лексус» всевозможной садовой утварью, рассадой, семенной картошкой и, самое ужасное, удобрениями, в частности вышеупомянутым навозом.

Дача – моя кара. Все вокруг уже обзавелись зелёными лужайками, всякими качельками, мангалами и цветниками, а моя свекровь умудрялась засеивать практически всю площадь дачного участка картошкой. Цветы тонкой полоской желтели лишь у самого забора. На мои робкие предложения разбить клумбы, развести побольше цветов и вид сразу станет лучше, она с восторженным убеждением отвечала, что для неё самый лучший вид – это вид цветущей картошки.

С одной стороны, я понимала родителей мужа, переживших голодное детство. Говорят, что те, кто в детстве недоедали, всю жизнь не могут избавиться от желания припрятать, сохранить, доесть до крошки каждый кусочек хлеба, каждый сухарик. Но всё-таки для чего сажать такое количество картошки, которую ещё надо было регулярно полоть, окучивать и избавлять от мерзких колорадских жуков, я не понимала.

Но мой муж так любил своих родителей и, наверное, ещё больше жаренную его мамой картошку, что никаких возражений ни себе, ни тем более мне, не позволял.

Я смахиваю пот после прополки пресловутого корнеплода и, притулясь к забору, вспоминаю, как мы купили наш первый «Запорожец». В те времена расхожее «Автомобиль не роскошь, а средство передвижения» для большинства звучало как издевательство. Автомобиль являлся тогда самой настоящей роскошью. Обладали им немногие. Деньги у народа не водились, да и купить машину можно было только по карточкам, которые выдавали после долгих лет стояния в виртуальной очереди.

Мои родители, простые инженеры, конечно, позволить себе эту роскошь не могли, но всё же папа каким-то образом умудрился построить гараж, что тоже представляло из себя дело нелёгкое, потому что сначала надо было предъявить документы на владение автотранспортом.

Каким образом можно было приобрести авто, не имея гаража, и, наоборот, гараж, не имея автомобиля, для меня до сих пор остаётся загадкой. Народ выкручивался как мог. Но так уж была устроена советская система распределения, чтоб всё усложнить и запутать, и чтоб у граждан, не дай бог, не появилось массового желания активно приобретать материальные ценности.

В общем, для того, чтобы построить гараж, папе пришлось купить мотороллер. Первое время он стоял прямо у нас в квартире. Потом, когда силами всей семьи, гараж наконец-то возвели, мотороллер стоял там без дела, потому что первый же выезд чуть не завершился трагедией.

Мой папа, отслуживший на Балтийском флоте шесть лет в качестве рулевого, думал, что управлять советским мотороллером так же легко, как многотонным кораблём. Посадив маму сзади, он на первом же повороте, резко зарулил вправо, и они свалились в кювет, ободрав до крови руки и ноги, слава богу ничего себе не сломав. Синяки не сходили долго, и мама категорически отказалась хоть ещё раз пустить папу за руль этого драндулета.

Мотороллер поставили на прикол, но папа не сдался и встал в очередь на «Запорожец», не знаю даже на что рассчитывая, потому что, если всей нашей семье не есть и не пить, деньги на эту малюсенькую машинку надо было бы копить несколько лет.

И тут я вышла замуж. Мой муж, худенький, симпатичный студент, как две капли воды похожий на артиста Михалкова в молодости, в первый же год поехал в стройотряд на территорию зоны затопления одной из многочисленных гидростанций. Работа была трудная – студенты валили, корчевали и вывозили лес, разбирали и перевозили попадавшее под затопление жильё. И в результате мой молодой муж заработал немислимую для нас сумму, которой почти хватало на маленькую машинку. Как раз подоспела заветная карточка, и родители с той и с другой стороны добавили нам недостающие деньги.

В тот день, когда надо было забирать машину, Серёга оказался в одиночестве. Я лежала в роддоме, мой папа находился в командировке, его отец тоже куда-то отбыл, свекровь вообще не в счёт. Так что покупать машину мой муж отправился с тещей, моей мамой. Сергей неплохо разбирался в машинах, умел водить. А мама была так далека от автопрома, что вряд ли могла отличить «Жигули» от «Волги».

Автомобилей было много. Они стояли рядами, а покупатели ходили между ними и выбирали подходящий колер. Мужу понравилась зелёная, как кузнечик, машинка. На его взгляд, она гармонировала с зеленью леса, куда мы любили ходить за грибами. Мама же смотрела в другую сторону. Ей понравились белые «Жигули». Она дёрнула Сергея за рукав и робко предложила:

– А чего ты выбрал зелёную машину, давай возьмём вот эту, белую.

Муж оторопел. Сначала он подумал, что теща где-то раздобыла кучу денег и хочет его обрадовать более престижной машиной. Потом он внимательно посмотрел на неё, уже простёршую руки к «Жигулям», и спросил:

– А вы понимаете, что это другая машина?

– Конечно. Та зелёная, а эта белая. Смотри, какая красивая.

– А вы понимаете, что это «Жигули», а у нас «Запорожец»?

– Да? – удивилась теща, а на вид они вроде бы одинаковые.

– Видите, у нашего есть небольшие ушки, его ещё называют ушастый «Запорожец», – пояснил Сергей.

– Действительно, а я не знала.

Короче взяли они того зелёного кузнечика и потихоньку поехали в гараж, причём мама всё время пыталась схватиться за руль и кричала Сергею:

– Едь потише!

– Куда же тише, у меня и так сорок километров, – отпихивал её зять.

– А кажется, что очень быстро, – на всякий случай боялась мама.

Эту историю покупки автомобиля мы долго со смехом вспоминали в семье. Нашу машинку мы так и называли – наш зелёный кузнечик. Пока дочь была маленькой, далеко мы не ездили, только в пригородную рощу, в сад к родителям, ну и, конечно, Сергей с папой выезжали по осени за грибами.

Когда Маринка подросла, сажали её сзади, как в домик, вместе с маленькой пуделихой Нюской, а иногда и с котом Максом, зная, что никуда не денутся, ведь задних дверей у «Запорожца» нет.

Как-то, когда дочке было года четыре, решили отправиться подальше, на Волгу, хотели пожить там в небольшом приволжском городке у друзей, позагорать и покупаться. Друзья сразу сказали нам, что купаться лучше на городском пляже. Но нам хотелось широты, простора и безлюдья и мы отправились на нашем кузнечике в сторону от народных толп, к заливным лугам.

Открывшиеся перед нами картины показались нам пределом сельской красоты. Сияющие под солнцем зелёные луга перемежались с небольшими прозрачными старицами, в кото-

рых отражалось небо. Пологий берег Волги манил светло-жёлтым песком. На другом, крутом, берегу живописно вырисовывались холмы, покрытые курчавым лесом. Недалеко от нас в затоне плескалась рыба, и на мостках были развешены сети. Юные пейзажи полоскали в чистой проточине белоснежные простыни. А вдали на лугах медленно передвигалось пёстрое стадо коров.

Словом, увидев всю эту красоту, мы радостно выскочили из машины, бросили на песок одеяло и, прежде чем устроить пикник, решили искупаться. Серёга с дочкой скакали по мелководью, а я поплыла подальше.

Не успела я отплыть несколько метров, как сзади раздался визг, и наша Нюся, поскакав в отчаянии на берегу, бросилась в воду, видимо, спасать меня. Вскоре спасать надо было нас двоих, потому что, подплыв ко мне, собака передними лапами навалилась мне на плечи и, по моему, хотела уже залезть мне на голову всем телом, но я стала отпихивать её и от неожиданности такой ситуации, хлебнув воды, закашлялась и испугалась, как бы не потонуть на глазах собственного семейства. Серёга, видно, тоже испугался и с Маринкой на руках побежал по воде к нам поближе.

Кое-как мы с Нюсей, толкаясь и пихая друг друга, добрались до своих. Я встала на ноги, взяла дочь, а муж выловил из воды собачку, которая всё ещё не понимая своего и, главное, моего спасения, сучила в воздухе маленькими лапками как будто плыла.

Вторым решил повторить попытку плавания на глубине муж Сергей. Как ни удивительно, это не вызвало никакого внимания со стороны Нюски, и мы втроём, я, дочь и собака, плюхнулись на одеяло, чтоб обсохнуть и позагорать.

Наш кузнечик стоял рядом, а мы лежали и смотрели, как ловко плавает наш папа и даже помахивает нам рукой, а мы махали ему в ответ. Я не сразу поняла, что махал он не просто так, а показывал рукой куда-то в сторону.

Наконец я оглянулась и обомлела. Совсем близко к нашему биваку подошло и резво двигалось к берегу огромное коровье стадо. Нюска, увидев странных, огромных, по её меркам, животных с острыми зубьями на головах, как ей, наверное, казалось, снова бросилась меня спасать. Она взлаяла таким дурным голосом, что я чуть не оглохла и не упала в обморок от двойного перепуга. Тем более, что маленькая собачка понеслась навстречу к стаду и стала наскакивать на коров, будто отгоняя их от нас. Но коров это ничуть не тронуло. Они вроде бы и не слышали нервного лая и мерно двигались прямо к нам.

С быстротой молнии я схватила не успевшую испугаться дочь, которая молча и удивлённо смотрела на нашу, разом сошедшую с ума собаку, и пулей влетела на своё сиденье в «Запорожце», захлопнув дверь. Бедная Нюска носилась между коровами и машиной, не зная, что делать. Я приоткрыла стекло и стала кричать:

– Нюся, ко мне!

И когда собака подбежала, буквально втащила её за ошейник прямо в окно. Я видела, что Сергей уже подплывает к берегу, а коровы в это время буквально обступили нас со всех сторон, и я боялась, что они того и гляди проткнут своими рогами стёкла в окнах или фары. Мы сидели с дочкой, сжавшись в комок, только Нюска продолжала метаться от окна к окну и лаять. А я думала, что лучше – успокоить её, чтобы не привлекала внимания коров, или уж пусть лучше лает, чтобы их напугать.

Когда Сергей подошёл к машине, коровы уже почти закончили своё шествие мимо нас и устроились на водопой как раз там, где мы облюбовали место для купания.

– Вы чего испугались? Коровы же мирные животные, сразу заявил муж.

– Они большие и страшные, – сказала дочь.

– Ничего себе мирные, такие туши могли бы раздавить нашего кузнечика вместе с нами.

А рога у них какие, видел. Фары у нас хоть целы? – затараторила я.

– Делать им больше нечего, кроме как наши фары колотить. Ты только дочь пугаешь всякой ерундой. Они просто пить хотели, вот и пошли к реке. Вон уже почти все ушли.

– А чего это они тут без пастуха ходят? – спросила я.

– Пастух лежит где-нибудь в тенёчке. Чего их караулить, они с этого луга, как с подводной лодки, никуда не денутся. Потому что это их постоянное пастбище, и они всё здесь знают, где трава, где водопой.

– А на фига ты нас привёз на это пастбище, если тоже всё здесь знаешь? – возмутилась я.

– Я же не думал, что они сюда так быстро придут, – оправдывался муж, – ладно, давайте куда-нибудь переедем, здесь теперь всё равно отдыхать нельзя.

– Почему это нельзя? Коровы же ушли, – говорю я, вылезая из машины и ступая во что-то мягкое и тёплое.

С недоумением смотрю под ноги...

– Что это? – спрашиваю в ужасе.

– Осторожней надо, теперь тут кругом коровьи лепёшки.

– Где лепёшки? – выскочила из машины дочь и ступила туда же, что и я.

Отмываться было нелегко, весь до этого красивый мокрый песок был изрыт коровьими копытами, пришлось заходить поглубже, опять бодаться с Нюской... В общем, кое-как ополоснув ноги, скомкав и бросив в багажник истоптанное коровами одеяло, мы поехали на затон.

– На затоне даже лучше. Простора такого, конечно, нет, зато вода теплее. И можно на чистой травке посидеть, там берег травянистый, – успокаивал нас с дочкой Серёга.

Берег затона был не травянистый, а глинисто-травянистый, с редким кустарником. Мы пристроили нашего кузнечика в тень, а сами уселись на траве, разложив полотенца. Другой, крутой, берег был усыпан рыбаками, которые то и дело тащили улов из воды.

– Эх, жалко, удочку не взял, – сокрушался Сергей и пошёл поплавать.

Мы с Маринкой и Нюской смотрели на него, на рыбаков и ещё на каких-то животных, которые появились на берегу за спинами удильщиков.

– Мама, кто это там гуляют? Такие большие и белые, – спросила дочь.

– Кажется, это свиньи, – сказала я, – помнишь Хрюшу из Спокушек? Это его братишки и сестрёнки.

– А почему они такие большие, Хрюша ведь маленький, – снова спросила дочь и добавила испуганно, – а они сюда не придут?

– Да нет, свиньи же не рыбы, они плавать не умеют, – успокоила я дочку.

Серёга уже выходил из воды, когда на той стороне затона началось какое-то странное движение. Рыбаки стали гонять свиней, и те, недолго думая, начали тяжело с брызгами во все стороны шлёпаться в воду. Я даже испугалась.

– Серёж, зачем они свиней столкнули, потонут же, – кричу я мужу.

– Не потонут, – ответил он, – давайте лучше собираться.

– Зачем? Мы ещё не позагорали нисколько, – отвечаю я.

– А я говорю – собирайтесь, – настаивает муж.

И вдруг дочь, всё это время следившая за действиями на другом берегу, закричала:

– Смотрите! Это всё-таки не свиньи. Это плывут бегемоты.

Я оглянулась на воду и не поверила глазам. Штук пять огромных, действительно похожих на бегемотов, свиней шустро переплывали затон. Из воды торчали жирные, розоватые спины, огромные уши и длинные, совсем не похожие на пороссячьи, какими их изображают на картинках, рыла. При этом до нас доносилось какое-то утробное хрюканье.

Сергей был прав, надо бежать. Когда мы уже сидели в «Запорожце», а свиньи вышли на берег, мне показалось, что размером каждая из них была с нашу машинку и, если бы толкнула её своим толстым боком, то мы вполне могли бы улететь с этого не столь пологого берега прямо в воду.

– Поехали скорее отсюда, – стала просить я Сергея.

А он, издевательски хрюкнув, брякнул:

– Да что ты, может погуляем немножко с родственниками Хрюши?

– Нет, папа, это не хрюши, это всё-таки бегемоты, – рассудила дочь.

На городском пляже яблоку негде было упасть. Родители с детьми, компании молодёжи, вопли, брызги, все копошились, гоношились, прыгали с визгом в воду, тут же крутились катамараны. Даже шустрая Нюська испугалась и забилась под куст.

– Я не хочу здесь купаться, здесь все толкаются, – заявила нам дочь, – поехали домой.

И мы с ней согласились. Катили по дороге, любуясь лесом, который то отступал, то надвигался на шоссе с обеих сторон. Решили перекусить и свернули с трассы, выбрав симпатичную берёзовую рощицу. Наш зелёный кузнечик почти слился с листвой по цвету, и мы радовались, что его совсем не видно.

Серёга убежал поискать грибы, а мы с Маринкой отошли в сторонку и увидели целую полянку земляники. Собирали в ладошки и ели.

– У тебя же было ведёрко, – говорю я дочке, – давай в него собирать.

– А я его возле машинки оставила, – отвечает.

– Ну пойдём, возьмём и вернёмся.

Мы пошли к «Запорожцу», но на прежнем месте его не нашли.

– Может, это не то место, – говорю я дочке, – просто лес зелёный и наша машинка зелёная, как кузнечик, вот мы его и не видим, – успокаиваю я не столько Маринку, сколько себя.

Мы крутимся по рощице, но нашего кузнечика не находим.

– Давай покричим папу, – предлагаю я.

– Давай, – соглашается дочь.

– Аа-уу! – кричим мы на все лады.

– Чего кричим? Я здесь, – совсем рядом откликается Сергей.

– А мы машинку потеряли, – сразу заявляет дочь.

– Как это? – удивляется папа.

– Была и нет, – повторяет Маринка.

– Она ведёрко возле машины оставила, мы пошли искать и не нашли, – говорю я.

– Нет, ведёрко я уже давно нашла. Вон оно стоит, – заявляет Маринка.

– Как? А что же ты молчишь? – кричу я.

– Так ты же сказала, что мы теперь не ведёрко, а машину ищем, – говорит дочь.

– Ну вы что, слепые? Ведро же как раз под колесом стоит, – засмеялся муж.

Мы пригляделись и, правда, увидели, что ведёрко Маринки стоит возле «Запорожца». Просто зелёные берёзовые ветки здорово его замаскировали. Как же мы смеялись, как радовались, что наш кузнечик нашёлся.

Мы ехали домой, не испугавшись как следует и не позагорав, зато мы увидели настоящих коров, узнали, что свиньи умеют плавать и что не только в трёх сосенках можно заблудиться, но и в трёх берёзках можно что-нибудь потерять. Мы ехали и пели:

Красота! Красота!

Мы везём с собой кота, (правда, в этот раз кот был дома),

Чижика (Маринку),

Собаку (Нюську),

Петьку-забияку (папу),

Обезьянку (наверное, это я),

Попугая (если зелёного, то это наш кузнечик),

Вот компания какая!

Сейчас у нас шикарная квартира в центре Москвы, дача на два дома, один – гостевой, огромный белый «Лексус», на котором муж с отцом до сих пор возят навоз на дачу. Мы можем

ездить на любые курорты, но муж под санкциями, так что лето мы проводим на своих сотках. Муж из худенького мальчика превратился в солидного с брюшком дядьку и совсем перестал быть похожим на артиста Михалкова. За руль он уже не садится, у него собственный водитель. Дочь взрослая и предпочитает берегу Волги Мальдивы и Сейшелы. А я порой с грустью вспоминаю то время, когда нам ничего не было нужно, кроме нашего маленького зелёного кузнечика, который был для нас и нашим домом, и нашим туроператором, и нашей радостью, и нашей любовью.

Холерный дом

Это случилось в семидесятом году теперь уже прошлого двадцатого века. На юге страны и в низовьях Волги разыгралась эпидемия холеры. Интернета не было, телевидение о катастрофах и прочих неприятностях не сообщало. Правительство считало, что жить людям лучше и веселее, когда они не ведают ни о чём плохом, так что Советский Союз о такой мелочи, как появление холеры, не знал, разве что понаслышке, да и то не верил.

В это же время какой-то человек из Астрахани отправился на пароходе по Волге до небольшого посёлка Кокшайск, что недалеко от Казани, где на местном кладбище был похоронен его отец, чтобы проведать могилу и поклониться родительским мощам. Он вышел на пристани, дошёл пешком до кладбища, немного прибрал внутри оградки, пощипал выросшую траву, постоял молча, глядя на небольшую пирамидку со звездой и отправился восвояси.

До следующего парохода ещё оставалось время, приезжий посетил туалет на пристани и зашёл в столовую, которая находилась рядом, пообедать. Когда уже сидел в каюте парохода, почувствовал слабость, боль в животе, озноб и на первой же пристани был снят с рейса и доставлен в инфекционное отделение местной больницы, где ему был поставлен диагноз – холера.

Санитарные службы бросились по следу больного и узнали, что единственное место, которое он посетил в пути, сойдя на берег, был посёлок Кокшайск и его столовая. Обследовав какие-то там смывы или, возможно, фекалии в стоящем рядом туалете, медики сумели выявить в них палочку холерного вибриона. Естественно, что населению об этом не сообщили, лишь изолировав тех, кто мог иметь контакт с больным, его посудой и чем там ещё уж и не знаю.

Немного раньше, когда мои родители собирались в отпуск, папа сказал:

– Давайте купим путёвки на новую турбазу в Кокшайске.

– А что это за турбаза? – заинтересовались мы с братом.

Я была уже вполне взрослой, окончила восемь классов, а брат перешёл в четвёртый. Каждый из нас уточнил своё:

– Там что турпоходы и песни у костра? – спросила я.

– А рыбачить там можно? – уточнил брат.

– Не знаю, как насчёт песен, а рыбачить точно можно, потому что эта турбаза стоит прямо на воде, – сказал папа.

– Как это на воде? – вступила в разговор мама. – Что там домики в воде стоят? Или турпоходы на лодках? Что-то это мне не нравится.

Наша мама всегда была осторожным человеком и обладала хорошей интуицией, которая её не подводила, и она иногда, сама не зная почему, порой оказывалась в тех самых местах, где нам грозили или случались с нами какие-то неприятности.

– Нет, там не домики на воде, а такие здоровые лодки что ли, типа барж, называются брандвахты, они стоят на воде у берега, как причаленный корабль. Палуба там только одна, а внизу каюты для отдыхающих, – объяснил папа.

– Со всеми удобствами? – иронично уточнила мама.

– Нет, конечно, все удобства на территории, это ведь не санаторий и не дом отдыха, а турбаза.

– Ну там хотя бы кормят? – продолжала допытываться мама.

– Что же тебя там голодной оставят или действительно заставят картошку печь на костре? – отбивался папа.

– Картошку на костре, это здорово! Поехали! – обрадовался братишка.

А я добавила:

– Какое красивое слово – брандвахта, как будто связано с морем. Наверное, это интересно – пожить на брандвахте.

В общем, подумали и решили поехать хоть на недельку.

Турбаза встречала нас весело. У входа на скамейке, торчащей из пляжного песка, наявничал на аккордеоне мужик в майке. Как выяснилось позже, звали его Альберт и работал он здесь массовиком-затейником, хотя, честно говоря, никаких массовых затей мы от Альберта не видели, поскольку всю неделю он пребывал в состоянии лёгкого нестояния и способен был только на то, чтобы не ронять свой аккордеон и производить на нём некоторые звуки.

Вокруг музыканта бегала какая-то женщина в купальнике и развлекала штук пять ребятишек Валеркиного возраста. Оказалось, это жена Альберта Клара, которая приехала на турбазу в качестве воспитателя для детей отдыхающих. Впрочем, детей ей доверили по-моему только один раз во время заезда, потому что тут же кто-то подрался, другой разбил обо что-то голову, третий чуть не утонул. Так что родители предпочли сами заниматься своими детьми. А эта сладкая парочка «гусь-музыкант и воспиталка-гагарочка» почти не появлялись на людях и вылезали из своей каюты только по вечерам, когда начинались танцы.

Ещё один персонаж в первые же минуты привлек наше внимание. Это был высоченный и толстенный дядька в экзотической разноцветной рубашке, как тогда говорили, петухами. Он шёл нам навстречу и приветливо улыбался:

– Рад встрече с новыми туристами! – провозгласил он, подняв сжатую в кулаке руку в жесте «но пассаран».

Нас разместили в одной из кают на четверых, похожей на купе поезда. Брат обрадовался двухъярусным кроватям и сразу полез на верхнюю полку. А нам с мамой каюта показалась тёмной и мрачной.

– Да ладно вам, – успокаивал нас папа, – что вы в каюте сидеть будете? Сюда только спать надо приходиться, а днём загорать, купаться и дышать речным воздухом.

Туристическая программа, которая была предложена отдыхающим, состояла всего из одной экскурсии на родину космонавта Андриана Николаева в деревню Шоршелы, что находилась довольно далеко, на другой стороне Волги. Когда жена массовика Клара записывала желающих поехать на экскурсию, на берег высыпали почти все так называемые туристы. Так называемые потому, что большая часть компании, которая состояла примерно из ста человек, была совсем не похожа на туристов: какие-то пожилые тётеньки в буклях, молодые пары с детьми, кто-то даже с коляской, ещё несколько странных персонажей, например, дядька в жару одетый в прорезиненный плащ и сапоги, правда, он был с удочкой, может быть, рыбак.

Я заметила в толпе невысокую стройную девушку, которую немного знала, она была старше меня, раньше училась в нашей школе, а теперь поступила в институт. Звали её, кажется, Лена, она была в ярком платье, хорошенькая до невозможности, так что вокруг неё сразу образовалась небольшая мужская компания. Лена была с мамой, полной, неповоротливой дамой, которая внимательно следила за девушкой и её кавалерами.

На экскурсию поехали сначала на пароме, а на другом берегу нас ждал автобус. Автобус был маленьким и задрипанным, а пассажиров оказалось довольно много. Все полезли занимать места, предчувствуя, что на каждого не хватит. Так и получилось. В толпе прижали Ленкину маму, которая закричала дурным голосом:

– Что за безобразие! Пропустите женщину с больными ногами. Я не могу стоять, мне нужно обязательно сесть.

Кто-то из мужиков язвительно пошутил:

– Что же вы с больными ногами на турбазу поехали.

– Как вам не стыдно смеяться над пожилым человеком, – заступилась за маму дочь.

В конце концов все уgomонились и, стоя друг у друга на головах, доехали наконец до места назначения. Там мы с любопытством осмотрели дом, в котором родился знаменитый космо-

навт, познакомились с его братом, узнали, как живёт семья, позадавали вопросы. Хозяева были приветливы и добродушны, а я думала о том, как им, наверное, надоели эти толпы туристов, которые ехали сюда отовсюду, и какое надо иметь терпение, чтобы постоянно сохранять эти искренние приветливость и радушие.

На обратном пути наш автобус сделал стоянку в небольшом городке Марпосаде, где мы побежали в местный ресторан и с удовольствием поели, потому что еда в нашей кокшайской столовой была довольно противной.

Дни летели, погода стояла жаркая, тупо сидеть на пляже быстро надоедало и мы придумывали себе всякие занятия и вечно вляпывались в какие-то истории. Папа с братом Валеркой, конечно, с первого дня пытались рыбачить. Но рыба не ловилась. Кто-то сказал им, что лучше всего она берёт на опарыша. Но где изловить опарыша в условиях турбазы? Папу научили, что нужно взять свежую рыбу с потрохами, разрезать ей пузо и положить на солнце, через день там заведутся червяки. Папа так и сделал. Рыба денёк полежала на солнцепёке, а когда утром братишка подошёл и увидел копошащихся в её внутренностях червей, его тут же вырвало и на рыбалку он больше не ходил.

Мимо брандвахт всё время шныряли моторные лодки, и моей осторожной маме вдруг вздумалось спросить меня:

– А хочешь покататься?

– Кто ж меня покатает? – удивилась я.

– Давай я договорюсь вон с тем парнем, он всех катает, – заявила мама.

Она действительно пошла и договорилась, что меня немножко прокатят и быстренько вернут. Как же она ошиблась, интуиция подвела. Когда мы на большой скорости, так что я даже забоялась, вылетели почти на середину Волги, мотор вдруг заглох. Парень дёргал за какую-то верёвку, чтобы его завести, но мотор только вскрывал, но не заводился. Тогда парень говорит мне:

– Садись на вёсла, а я попробую завести.

– Как это на вёсла, – возмутилась я, – я не умею.

– Научись, – отрезал парень, вручая мне вёсла. – Да не бойсь, щас я его заведу, а ты пока греби.

Перспектива грести до берега меня как-то пугала, потому что Волга хоть и казалась спокойной, но течение незаметно сносило нас в другую сторону, кроме того, проплывающие мимо катера и моторки, давали волну, и мы болтались, чуть не черпая бортами воду, тем более что я налегала то на одно, то на другое весло, боясь их просто-напросто потерять. Мне показалось, что мотор никогда уже не заведётся, и я думала о бедной маме, которая, наверно, сходила с ума на берегу. Но проклятый мотор наконец-то взревел, лодка рванула, чуть не выронив от толчка моего лодочника, и мы теперь уже довольно быстро добрались до берега.

Я издали увидела маму и начала махать ей, давая знак, что всё нормально. Мама нервно бегала по берегу туда-сюда и по выражению её лица было видно, что она уже готовилась вызывать спасателей искать свою пропавшую дочь. В общем, всё обошлось, но больше я на моторках не каталась.

Как-то папа решил свозить нас на обычной вёсельной лодке к разбросанным тут и там вдали от берега песчаным островкам. Они манили не только первозданной чистотой ярко-жёлтого песка, но и своей пустынностью посреди окружающей их большой воды.

Мы благополучно доплыли до одного островка, испустили вопли восторга, как единственные аборигены этой песчаной отмели, скинули одежду и в купальниках побрели по горячему песочку на середину, чтобы раскинуть привезённое с собой покрывальце. Вдруг маму осенило, что у неё на руке нет часов. Часы были дорогие, позолоченные, подарок папы.

– Ты их, наверное, в каюте оставила, – предположил папа.

– Нет, чего это я их там оставлю, вдруг украдут, – огорчённо отпиралась мама. – И вообще, я помню, что их надевала.

– А как и где ты их снимала, помнишь? И куда положила? – снова стал расспрашивать папа.

– Помню, – к нашему удивлению сообщила мама. – Я их сняла, когда мы вышли на берег и положила в карман сарафана.

– Ну так там и ищи, – сказал папа и даже пошёл вперёд.

Но мама осталась стоять на месте, а мы с братом удивлённо взирали на неё.

– Ну давай, смотри в кармане, – торопила я маму.

– Я уже смотрела. Их там нет, – чуть не плакала мама. – я несла сарафан в руках, и часы, наверное, выпали.

Что тут говорить? Целый день мы, как кроты, ползали по песку, роясь в нём и пересыпая кучки из стороны в сторону, боясь пропустить маленькие мамины часики. Наверное, со стороны, с проплывающих мимо лодок и пароходов, смотреть на нас было смешно – четыре человека на карачках ползают по песку и, не поднимая головы, роются в нём, что-то выискивая. Мы обгорели на солнце, устали и измучились, когда у самой лодки, на краю островка брат нашёл наконец мамины часы.

Нам уже не хотелось купаться, на небе появились тучки, и остров показался нам серым и мрачным. Мы быстренько сели в лодку, и папа начал сильно грести к турбазе, чтобы успеть до дождя.

А турбаза жила своей жизнью. Аккордеонист Альберт целыми днями ругался в своей каюте с женой Кларой. Я слышала, проходя мимо, как она кричала, что он пьянчуга и по ночам гуляет с какими-то бабами. Красивая Лена всё время крутилась на пляже, неизменно окружённая компанией поклонников, играла с ними в волейбол и бадминтон, всё время находясь под надзором своей полной мамы с больными ногами. Дядька в цветастой рубашке никогда не раздевался, так и ходил, как распаренный попугай, наверное, стеснялся оголяться из-за своих габаритов. Он чаще всего играл в карты ещё с какими-то отдыхающими туристами.

В общем, всё было относительно сносно, если бы не столовая. Кормили там, надо сказать, отвратительно. К тому же там всегда было много народу. И хотя туристов обслуживали по талонам в первую очередь, публика в столовке была довольно непрезентабельной, кроме ожидающих свои рейсы пассажиров, всяких заезжих и приезжих людей, на крыльце почти всегда сидели местные пьянчуги, потому что после обеда в столовую завозили пиво.

Однажды мы с братом так проголодались, поскольку почти ничего не ели в этой засиженной мухами столовке, что уговорили родителей снова поехать на другую сторону Волги в Марпосад и поесть как следует. Мы переехали Волгу на пароме, пошли в уже знакомый нам ресторан и до отвала наелись там вкуснейших, как нам показалось, хотя, наверное, обычных, пельменей.

В последний день, незадолго до отъезда, мы всё же ещё раз посетили местную столовую, немного поели и отправились домой. Мы, конечно, не знали, что возможно, в это же время за соседним с нами столом сидел тот самый холерный больной, которого вскоре снимут с парохода, и санитарные службы, выясняя его контакты, отправятся по следу пассажира и узнают, что единственным местом, где он выходил на берег и поел в местном общепите окажется Кокшайск и наша столовка.

Мы приехали домой загорелые и довольные. Отпуск у родителей ещё не кончился и мы придумывали, как его дальше провести. Решили, что дня через два поедим к бабушке в деревню. На другое утро, когда мы все были дома, а брат гулял во дворе, он вдруг примчался к нам со странным сообщением. В соседнем доме жил друг Валерки Марат, который вместе с мамой тоже отдыхал на турбазе. Оказывается, только что во двор приезжала санитарная машина и увезла Марата и его маму на какой-то карантин.

– На какой ещё карантин? – удивилась мама. Она работала медсестрой и знала обо всём, что касалось болезней, прививок, карантинных и прочих медицинских дел.

– Тётки во дворе сказали, что у них холера, – заявил брат.

– Что ты болтаешь какую-то ерунду. У нас в Советском Союзе никакой холеры нет уже давным-давно, – возмутилась мама.

И только она это сказала, как в нашу дверь позвонили. Мама приложила палец к губам и на цыпочках подошла к дверному глазку, посмотрела и так же осторожно отошла от двери.

– Кто там? – так же шёпотом спросил папа.

– Там какие-то санитары в белых халатах, – сказала мама, распахнув от ужаса глаза.

Мы помолчали, и санитары, позвонив ещё немного, ушли. Через щёлку в шторах мы увидели, что машина с красным крестом уехала со двора.

– Что будем делать? – спросил папа.

– Я знаю признаки холеры и дизентерии, – ответила ему мама, – у нас с вами ничего похожего в помине нет.

– Может быть, какая-то ошибка, надо бы разузнать, – высказал предположение папа. – Что там ещё тётеньки говорили? – обратился он к брату.

– Они спросили врачей, которые в халатах, и они сказали, что их повезли на карантин.

– Я не хочу на карантин, – заканючила я.

– А с чего ты решил, что из-за холеры? – снова спросил папа Валерку.

– А я Маратика спросил – чего это вас забирают, он мне и сказал, что на турбазе была холера, вот теперь всех и ловят, чтоб других не заразили, – гордо сообщил брат, довольный, что он среди нас единственный носитель информации.

– Да это бред какой-то, – снова засомневалась мама. – Ну нет в Советском Союзе холеры. Ты что-то напутал.

– А зачем тогда к нам приезжали? – спросила я.

– Не знаю. У нас никаких признаков никакой холеры нет. Предлагаю на всякий случай завтра утром ехать в деревню.

Рано утром мы поехали в деревню. Бабушка с дедушкой обрадовались нашему неожиданному появлению, засуетились, что приготовить на стол. Но мы сказали, что пойдём по грибы и потом их зажарим. Так и сделали, набрали целую корзинку грибов, оставили их дома, а пока решили сходить в луга к маленькой речке искупаться.

Не успели мы раздеться, как увидели странную картину: прямо по бездорожью, прыгая на кочках к нам неслась машина Скорой помощи. Мы так удивились увиденному, что обалдело стояли, глядя на это зрелище, раскрыв рты. Из машины выскочили люди в белых халатах, перчатках, с повязками на лицах. Нам тут же сообщили, что, возможно, мы находились в контакте с холерным больным во время отдыха на турбазе, и теперь нам необходимо обследоваться и пройти карантин.

– Я же говорил, – гордо заявил Валерка.

Люди в белом быстренько похватили нас, засунули в свою машину и куда-то повезли. Мы едва уговорили их заехать к бабушке с дедушкой, чтобы забрать наши вещи. Они согласились, сами вышли из машины, попросили наших перепуганных родственников выдать им наши пожитки и привели в ужас всю деревню своим видом грозных санитаров, увозящих нас в неизвестность. Когда дедушка с бабушкой волокли к машине нашу большую корзину с грибами, медики сопротивлялись, уверяя, что грибы нам в ближайшее время не понадобятся.

– Оставьте их у родственников, – сказал какой-то санитар.

Папа уже хотел было последовать указанию, но мама возмущённо заявила:

– Что это за репрессивные меры, может, нам уже вообще ничего не понадобится! Толя, ставь корзину в машину.

Она всё ещё не верила, что всё происходящее реально и что везут нас действительно на карантин. Но она ошибалась. Нас ненадолго завезли домой, мы оставили свои вещи, удочки, а грибы засунули в холодильник и налегке отправились всё в той же машине, вместе с теми, кто так усиленно старались нас изловить, туда, где нас должны были обследовать.

Нас привезли в недавно построенное на краю города здание профтехучилища. Оно стояло немного в отдалении от жилых кварталов, имело большой двор и спортплощадку. Всё это по периметру было обнесено красной лентой с табличками «Вход запрещён! Опасная зона!» Вообще-то нас привезли уже вечером и всего этого мы в тот момент не заметили. Увидели только, что у входа в корпус стоят милиционеры.

А войдя в фойе, мы будто бы вновь оказались на нашей турбазе. Навстречу нам шёл высокий толстяк всё в той же рубашке петухами, а откуда-то сверху доносились звуки аккордеона. Единственное, что смущало – в руках у дядьки был эмалированный детский горшок.

– О! Привет! Нашего полку прибыло. Скоро все соберёмся, – приветствовал нас толстяк.

Мы стояли, как вкопанные, удивлённые не столько встречей со старым знакомым, сколько детским горшком в его могучих руках. Медработники вывели нас из оцепенения и повели на второй этаж, где в классах разместили ряды раскладушек, многие из которых были уже заняты знакомыми нам по турбазе людьми. Всё это было похоже на лазарет времён первой мировой войны. Правда, на раскладушках почти никто не лежал, дети играли в коридоре, взрослые сидели на подоконниках, тихо переговариваясь.

Классы делились на мужские и женские, мы с мамой устроились в женском классе, а папа с братом соответственно – в мужском. И мы почти сразу же легли спать под тихую мелодию аккордеона, на котором где-то в своём классе всё играл и играл массовик Альберт.

Утром в корпусе началась какая-то движуха, все бегали с горшками, каждому хотелось сдать анализы поскорее, но мест в туалетах не хватало, поэтому нетерпеливые устраивались в тех классах, где громоздились собранные в кучу парты. По первости нас это ужасно смущало, но потребность освободить кишечник и желание как можно быстрее сдать анализы в надежде, что тогда нас быстрее выпустят из нашего заточения, сделали своё дело – вбежишь, бывало, со своим горшком в какой-нибудь уголок, чтоб уединиться, а там из-за парты чья-то голова высовывается – место занято.

Наступило время завтрака. В большой рекреации вдоль окон составленный из обычных столовских столиков соорудили длинный общий стол. Толпа загорелых, отдохнувших на Волге людей, среди которых были и дети, и взрослые, быстренько заняла места, прихватив металлические миски и ложки. Но завтрак почему-то запаздывал. Здоровые мужики с хорошим аппетитом, запертые в стенах холерного дома, как все тут же окрестили наше обиталище, стали громко возмущаться и стучать ложками по столу. Остальные голодные холерники тут же к ним присоединились, и в коридоре начался такой грохот, что стёкла задрожали.

Санитары не могли успокоить шум, прерываемый голосами орущих мужиков, некоторые из которых сидели в холерном доме не первый день, и вскоре, когда уже привезли скудный и невкусный завтрак, в коридоре появилась целая комиссия медиков в своей белой униформе, и один из них, самый важный, говорили, что это начальник горздрава, ещё раз объяснил всем опасность холеры и пообещал, что кормить будут хорошо и вовремя, но сдать по три анализа и отсидеть на карантине неделю придётся каждому.

Народ слегка успокоился и разбрёлся сдавать анализы и смотреть в окно. Брат Валерка встретился со своей турбазовской компанией, и они носились по коридорам и лестницам, чуть не сшибая взрослых. Я смотрю, а брат мой грызёт какие-то конфеты.

– Откуда у тебя конфеты? – спрашиваю.

– Да там мальчишки в окно на первом этаже вылезли и в магазин сбегали, тут недалеко, – радостно отвечает Валерка.

– Смотри, ты не вздумай никуда вылезать, – пригрозила я ему и на всякий случай пошла доложить о побегах родителям.

Мама с папой сидели в коридоре у стола, и папа сокрушался, что дома стоит целая корзина грибов, которые теперь, конечно, пропадут.

– Пап, а давай сходим домой и грибы сварим, – неожиданно для родителей заявила я.

– Как ты себе это представляешь? – удивилась мама.

– Там внизу, на первом этаже, в туалете окно открыто, как раз с другой стороны, где милиционера нет, можно вылезти и съездить домой на троллейбусе. Никаких же процедур нет, никто и не заметит, – придумала я.

– Ты что, с ума сошла, а если поймают. Сказали – на работу сообщат и больничный не дадут, – забоялась мама.

– Да точно не заметит никто. Грибы жалко, – стал уговаривать маму папа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.